

меня довольно грубо, но мой вожатый сказал ему тихо несколько слов, и его суровость тотчас обратилась в торопливую услужливость. В одну минуту тройка была готова. Я сел в тележку и велел себя везти в нашу деревню.

Я скакал по большой дороге мимо спящих деревень. Я боялся одного: быть остановлену на дороге. Если ночная встреча моя на Волге доказывала присутствие бунтовщиков, то она вместе была доказательством и сильного противодействия правительства. На всякий случай я имел в кармане пропуск, выданный мне Пугачевым, и приказ полковника Зурина. Но никто мне не встречался, и к утру я увидел реку и еловую рощу, за которой находилась наша деревня. Ямщик ударил по лошадям, и через четверть часа я въехал в **. Барский дом находился на другом конце села. Лошади мчались во весь дух. Вдруг посреди улицы ямщик начал их удерживать. «Что такое?» спросил я с нетерпением. «Застава, барин», отвечал ямщик, с трудом останавливая разъяренных своих коней. В самом деле, я увидел рогатку и караульного с дубиною. Мужик подошел ко мне и снял шляпу, спрашивая пашпорту. «Что это значит?» спросил я его: «Зачем здесь рогатка? Кого ты караулишь?» — «Да мы, батюшка, бунтуем», отвечал он, почесываясь. — «А где ваши господа?» спросил я с сердечным замиранием. — «Господа-то наши где?» повторил мужик. «Господа наши в хлебном анбаре». — «Как в анбаре?» — «Да Андрюха земский посадил, вишь, их в колодки и хочет везти к батюшке-государю!» — «Боже мой! Отворачивай, дурак, рогатку. Что же ты зеваешь?»

Караульный медлил. Я выскочил из телеги, треснул его (виноват) в ухо — и сам отодвинул рогатку. Мужик мой глядел на меня с глупым недоумением. Я сел опять в телегу и велел скакать к барскому